Алексей Сучков

Незаметное дыхание будущего

Субкультура Светлого Настоящего

Алексей Сучков

Незаметное дыхание будущего. Субкультура Светлого Настоящего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73750453
ISBN 9785006942783

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.«Чтобы прийти в светлое будущее – надо сначала построить светлое настоящее»Перед вами сборник рассказов – зарисовок о первых шагах к лучшему миру «снизу», от самих людей, к преображению общества в сторону настоящей, полноценной человеческой жизни.В нашей психике сейчас происходит незаметное со стороны, но очень важное сражение – битва за человека в человеке, революция духа.

Содержание

БОРЬБА ЗА ЧЕЛОВЕКА 7
БРАТ 2022 23
I часть 23
II часть 28
III часть 36
IV часть 42
ВЫХОД ИЗ БАНКИ С ПАУКАМИ 57
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Незаметное дыхание будущего Субкультура Светлого Настоящего

Алексей Сучков

Иллюстратор Николай Михалёв

© Алексей Сучков, 2026
© Николай Михалёв, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-4278-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для всех неспокойных духом, ищущих,
пробующих построить лучший мир
на нашей Земле

Цикл рассказов
"Незаметное дыхание будущего"

БОРЬБА ЗА ЧЕЛОВЕКА

_ Вы зашли на страничку ЖЖ «Острое шило в нужном месте»!

@ Яна Левицкая, журналист и немножко генератор безумия)) _

15 июня

Привет, люди!

Сегодня необычный день – я хочу о нём рассказать. Никогда раньше я не испытывала в один день столько противоположных эмоций: такой стыд за наших людей, но и такую гордость за них же!

С утра я была на интервью в Москва-Сити, с этими пафосными и амбициозными бизнесменами. О, как они меня страшно утомили своими большими Эго! Решила я немного пройтись пешком, чтобы развеяться. И вот я такая спокойно иду по скверу, когда случается эта авария!

Вы слышали когда-нибудь аварию? Это визжание тормозов, скрип колёс, этот звук неуправляемой машины? И сердце так замирает, ожидая удара… И вот он – удар, и всплеск битого стекла, и этот скрежет металла – такой резкий, неприлично громкий, такой непоправимый…

Народ побежал туда. И я тоже. Не знаю почему – какой-то рефлекс.

Под эстакадой – навороченная «Инфинити» последней модели, вся вдребезги разбитая. Водитель лежит на боку, и довольно далеко от машины: видимо, был не пристёгнут и вылетел при ударе. Костюм дорогой, часы ещё дороже, модная причёска, бородка – тоже из этих, молодой-амбициозный…

Но сейчас это всё в крови и в грязи, и одна нога нехорошо так подвёрнута.

Пахнет горелой резиной и ещё чем-то таким… Ну жесть, короче.

Народ толпится, кто-то вызывает скорую. Я уговаривала себя уйти, но что-то тянуло меня прямо туда, ближе, рассмотреть… Внезапно моё внимание привлёк шипящий разговор рядом.

Небольшого роста брюнетка вцепилась в рыхлого белобрысого парня и громко ему шептала:

– Не подходи к нему, Саша, не подходи! Вдруг он умрёт, а тебя посадят!

Слово «умрёт» прям стегануло по сознанию.

Парень неуверенно переминался с ноги на ногу.

– Ну слушай, я же врач…

Брюнетка зашипела змеёй:

– Ты же ЛОР! ЛОР, и ты студент, ты ещё учишься! Ты же не хирург – пусть скорая спасает! Он вот сейчас умрёт, а тебя потом посадят в тюрьму! Не подходи! Саша!

Парень мялся, но оставался на месте. Из-под лежащего

мужчины между тем растекалась лужа крови…

Я вообще-то недолюбливаю этих придурков, безбашенно гоняющих на дорогих машинах. И я знаю, что из-за дебильных законов человека, пытающегося спасти раненого, могут за это посадить: я слышала такие истории.

Но вот от этого змеиного шипения мне, знаете, стало нехорошо. Как это всё-таки цинично: вот лишь бы не рисковать, пусть лучше человек умрёт, зато мы такие чистенькие рядом постоим! Что за… дурацкий порядок?

И почему шипит эта брюнетка, а сгораю от стыда я? Но что я могу: я не врач, а журналист, и я вообще в шоке!

Не помню, сколько я простояла так рядом с этой шипящей парочкой, когда меня осторожно, но твёрдо взяли за локоть. Обернувшись, я увидела серьёзного вида парня: крепкое телосложение, внимательный взгляд; одежда такая полувоенная, за плечами рюкзак. Глядя мне прямо в глаза, он сказал:

– Найдите, пожалуйста, палку, сантиметров тридцать—сорок, крепкую. Что угодно – нужна палка. Хорошо? – Он продолжал смотреть мне в глаза, явно дожидаясь ответа.

– Эээ… палку? Простую палку?

– Да! Затянуть жгут, чтобы остановить кровь. Вы понимаете?

Я вспомнила, как на уроке ОБЖ в школе мы накладывали повязки, и чтобы остановить кровотечение, нужно было подсунуть под повязку палку и закрутить её.

– Поняла… Палку!

– Хорошо. Принесите, пожалуйста, сразу мне, – парень повернулся и пошёл сквозь толпу к лежащему мужчине. Вот он остановился и ещё кого-то взял за локоть, что-то стал говорить. Я успела заметить, что на кармане рюкзака у него был странный символ: два красных креста – как на аптечке, только зачем-то два.

Уфф, ну кажется, он знает, что делать. Я бросилась на поиски палки. Попыталась отломать ветку от куста, но ничего не вышло: ветка только надломилась и гнулась. Руки дрожали. В моей сумке как назло тоже не нашлось ничего похожего на палку. Оглянувшись, я вдруг увидела какую-то деталь от разбитой машины. Пластмассовая такая палка. Думаю, сгодится.

Я побежала к парню – он уже склонился над лежащим мужчиной, и рукой в неведомо откуда взявшейся медицинской перчатке щупал пульс. Потом склонился ухом прямо над окровавленным лицом и замер. Я стояла со своей палкой рядом и не знала, что делать. Подошёл ещё дедушка, уже с настоящей деревянной палкой.

Наконец, серьёзный парень оглянулся:

– Дышит, и пульс есть. Это хорошо. Надо остановить кровь. Спасибо! – это относилось уже к нашим с дедом палкам. – Скорую вызывают?

– Вызывают… – негромко и сипло ответил дед.

– Хорошо. Только не шевелите его.

«Да ты, блин, чего. Я его и трогать-то боюсь!» – я нере-

шительно протягивала палку.

Парень снял свой рюкзак, открыл кармашек с двойным красным крестом, вынул оттуда верёвку и большие, загнутые углом ножницы. Ножницами он, нимало не смущаясь, стал резать штанину дорогущих брюк потерпевшего. Там оказался открытый перелом! Нога прямо раскурочена, мясо клоками, обломок кости торчит, кровь вытекает толчками, зрелище – жуть.

Парень внимательно осмотрел это место. Аккуратно обхватив верёвкой ногу выше перелома, он стал её завязывать. Попутно он объяснял нам свои действия:

– Нужно остановить кровь, а то он может умереть от кровотечения до приезда скорой. В человеке всего 5—6 литров крови – вытечь может быстро. Со жгутом два часа пролежит нормально. Давайте палку. – это относилось ко мне, и я наконец отдала дала свою пластмассину.

Парень поддел её под верёвку и принялся закручивать.

При виде его уверенных действий я подуспокоилась, и во мне проснулся журналист.

– А вы врач?

– Нет…

Я оглядела его пристальнее, обратила внимание на его спортивную фигуру и камуфляжный рюкзак.

– Военный? Спецназовец?

– Нет, – немного удивлённо ответил парень, продолжая закручивать верёвку.

– А где вы этому научились?

– Первая помощь? Есть курсы. Я учился в «Неотложке» в Питере, там военный врач ведёт…

И тут я почувствовала… как бы это сказать… личность.

Журналисты чувствуют таких людей. Вот человек: не врач, не военный. А вот надо же, специально готовился, чтобы вот так спасать случайных людей. Я сразу вспомнила шипящую брюнетку, боящуюся ответственности.

– А вы не боитесь, если этот человек… Ну… Он… – тут меня замутило, и я не смогла договорить мысль, – Ну… если… что-то не получится… А приедет милиция…

– И меня обвинят в его смерти? – жёстко договорил спасатель.

Я как-то не нашлась что ответить.

Мой собеседник между тем сосредоточенно затягивал импровизированный жгут: верёвка уже глубоко врезалась в ногу, но он настойчиво продолжал закручивать палку.

– Я знаю, на что иду, – негромко произнёс он и вдруг взглянул мне в глаза прямым открытым взглядом. – Я сражаюсь за жизнь человека. Это моральный выбор. Для меня человек – одна из главных ценностей, и я не позволю никому решать этот вопрос за меня. Хотя опасность есть, и я с ней считаюсь…

Он окончательно затянул верёвку, зафиксировал её палкой, показал на неё и снова пояснил нам свои действия:

– Надо затягивать очень сильно, чтобы действительно пе-

режать все сосуды. У вас найдётся бумажка с ручкой?

Тут я догадалась сама: на ОБЖ нам рассказывали, что под жгут надо вложить бумажку со временем его наложения, для врачей.

Пока я копалась в сумке, дед протянул большой маркер, и необычный парень размашисто написал время прямо на многострадальных дорогих брюках потерпевшего.

Я была под впечатлением. Вы поймите журналиста: у таких людей хочется взять интервью. Взгляд упал на рюкзак.

– А почему два креста?

– Это знак. Двойной символ означает готовность к инициативе и управлению. Ну, а красный крест вы знаете, – мой собеседник осторожно прощупывал потерпевшего.

– Знак? – ого, да тут что-то интересное! Я почувствовала себя прямо как Индиана Джонс перед путешествием. – А для кого этот знак?

– Для всех. Но в первую очередь, конечно, для… таких же, как я.

– Таких же, как вы?

Что это: я наткнулась на тайный орден спасателей? Тут я заметила сбоку рюкзака ещё одну нашивку – на этот раз два брутальных следа медвежьей лапы. А под ней красовалась нашивка с каким-то гаечным ключом.

О, похоже, не только спасателей!

– У нас такая… субкультура, – он закончил осмотр. – Так, кровотечений сильных больше нет.

– Лицо? – так же серьёзно и хрипло спросил дед.

– Осколки. Ерунда. А вот переломы да, и позвоночник непонятно…

Вдалеке раздался вой сирены: к нам ехала скорая помощь. И тут потерпевший застонал.

Я впервые в жизни услышала вот это, как раненый человек стонет от боли: вроде негромко, но пробирает до самого нутра… это трудно передать. Но мой необычный собеседник, наоборот, взбодрился. Похоже, увидел хороший знак.

– А это на рюкзаке, тоже знаки?

– Да. А вы, значит, журналист… – это было больше утверждение, чем вопрос.

Я немного сконфузилась. Ну да, ну вот… – столько вопросов, в отличие от молчаливого деда, задумчиво стоящего рядом. Я в очередной раз спалилась на своём любопытстве…

Перевязанный мужчина застонал ещё раз, пошевелился и застонал громче. Серьёзный парень придержал его:

– Старайтесь не двигаться: помощь близко.

Неожиданно потерпевший открыл глаза и совершенно осмысленно посмотрел на нас. А потом он некрасиво так скривил губы и заговорил…

И я до сих пор не могу отойти от того, что он сказал!

– Нахе… Нахе… ра… вы меня тут… спасаете… – прохрипел он. Во взгляде его отчётливо читалась злоба. – Урр… роды!

Тут меня как будто резануло. Чтооо?! Это мы уроды?!

Стало обидно и… как-то так стыдно что ли? А потом пришла злость: вот люди ему помогают, палки ищут, рискуют, в крови его мажутся, и вот такая благодарность? Вот сукин сын!

Я хватала воздух ртом и готовилась сказать что-нибудь резкое.

– Тебе ещё есть зачем жить, – спокойно и невозмутимо ответил наш спасатель. – Руки-ноги чувствуешь? Голова кружится?

– Поче… му…? – выдавил потерпевший, проигнорировав вопросы.

– Потому что мы. Смогли. Тебя. Спасти. – тихо, отчётливо и очень серьёзно ответил парень. В этих словах чувствовался какой-то непоколебимый запас внутренней устойчивости. Он добавил: – Ты ещё нужен в этом мире. Кому-то. И для чего-то.

Неожиданно злость в глазах горе-мажора померкла, из глаз потекли слёзы, он всхлипнул и… заплакал. Рыдания сотрясали его покорёженное тело, от этого он стонал, кашлял, но тут же снова рыдал и опять стонал и кашлял. Зрелище было впечатляющее.

– Я… всё для неё… сделал. Всё! Поднял из этой… грязи, познакомил с серьёзными людьми… А она… меня бросила… Кинула… С моим же другом… Как в сраном… кино!… – он закашлялся. – Я… никогда… никогда… не думал… – слёзы текли, перемешиваясь с кровью на его лице,

и он тихо закончил. – Дайте мне лучше… сдохнуть… прямо тут…

Как бы мерзко он себя ни вёл, но говорил искренне, и это вызывало сочувствие. Однако серьёзный парень нахмурился и чётко ответил:

– Не дадим.

Потом, чуть помедлив. – Ты любил её?

– Да…

– Если бы она тебя любила, она бы так поступила?

– Нет…

– Значит, она тебя не любила, – с той же непоколебимой логикой заключил спасатель. – Теперь ты избавился от иллюзии. Цену заплатил, – он оглядел изломанное тело потерпевшего, – большую…

Затем он немного приблизился к потерпевшему и негромко, сочувственно сказал:

– Не с той девушкой ты строил жизнь. И не так. Но ты – ещё жив! И значит, ты можешь всё поменять. И построить всё по-настоящему. И ещё вспомнить этот день лет через двадцать…

Потерпевший задумался, постепенно прекратил рыдать и прикрыл глаза. Сирена раздавалась всё ближе. Толпа загомонила. Серьёзный парень стал собирать свой рюкзак.

Потерпевший сморщил лицо и выдавил, скорее задумчиво:

– Никому… нельзя верить…

– Мне – можно, – просто и прямо ответил спасатель. – У тебя открытый перелом ноги и разорвана артерия, потерял крови литр или два… Кровь мы остановили, нога заживёт и… всё будет хорошо, – он помолчал, что-то обдумывая, и негромко добавил: – Не было у тебя ни любви, ни друга, – в словах хмурого спасателя опять проглянула железобетонная логика. – Одна имитация. Вы, элитарии… – он посмотрел на разбитую всмятку дорогущую машину, – вы отрываетесь от жизни, и поэтому путаете, кто друзья, а кто – нет. Знаешь, эти двое освободили твою жизнь от себя – живи; приноси настоящее людям, и у тебя тоже появится настоящее…

Он встал, поблагодарил нас с дедом за помощь и тихо отошёл от потерпевшего.

Подъехала скорая, толпа начала расступаться. Врачи деловито обследовали раненого, осмотрели самодельный жгут с моей пластмассиной, что-то обсуждали. Достали носилки.

Я приходила в себя от только что развернувшейся перед глазами драмы.

– Скажите, извините… Вы сказали… Что есть такие, как вы… Субкультура… А что за субкультура?

Парень внимательно посмотрел на меня:

– Мы – такие… радикальные гуманисты. Мы верим в человека и ценим жизнь, а ещё, – он кивнул в сторону спасённого им человека, – мы стараемся выражать свои идеи в реальных делах.

Показалась машина полиции – серьёзный парень стал неторопливо, смешиваясь с толпой, отходить. Я увязалась за ним:

– Жизнь любого человека? Просто жизнь? Вы всех спасаете?

– «Просто жизнь» – это необходимое условие, но ещё не достаточное – жизнь человека должна быть… – он помедлил.

– Настоящей? – я вдруг почувствовала, что понимаю.

– Настоящей, да! – внезапно он улыбнулся, и я увидела что он совсем молод. – Человечной. Живая жизнь – мы так говорим. Так называется одна книга кстати, очень толковая… Жизнь здесь и теперь, в полноценном контакте с миром, с природой, в ладу с самим собой. Настоящая жизнь – это постоянное, всестороннее развитие человека, глубокое понимание законов бытия, реализация творческого потенциала… Совместный труд на благо всем людям, построение осознанного, разумного, гармоничного мира… Наверное, это очень пафосно звучит, да? – спросил он.

– Звучит здорово, – призналась я. – Но как?

– Для начала – исцелением тела и духа; затем – развитием определённых качеств личности, потом построением определённых отношений между людьми…

Я поняла, что мы идём к метро. А у меня же здесь припаркована машина!

– Ой, а хотите, я вас подвезу на машине?

– Спасибо, но я на метро, – он спокойно, но твёрдо посмотрел мне в глаза, и я поняла, что сейчас мы дойдём до метро, и он уйдёт. А моя голова переполнялась вопросами!

– А что за качества? Вы все умеете спасать раненых?

– Это просто одна из компетенций. То, чем я могу послужить людям… Мы умеем разное, и нашивки, – он показал на свой рюкзак, – сообщают об этом.

Мы подходили к метро всё ближе.

– А что значат эти следы медвежьей лапы? А вот этот гаечный ключ? Вы умеете ремонтировать машины?

– Это долго рассказывать. Если интересно – заходите на наш сайт.

– У вас сайт?

– Да, даже социальная сеть.

– У вас собственная соцсеть?!

– Ну да. Массовые социальные сети – это ведь мягкий вариант «Большого брата», орудие контроля и манипуляций. Сейчас многие стали это понимать. И мы создали свою соцсеть, даже целый портал. Там есть и про эти значки, и базы хороших книг и фильмов, и наша философия, ну и наши личные профили… Здесь, – он протянул мне маленький кусочек картона, оказавшийся своеобразной визиткой. – Мне нужно идти. Рад был пообщаться.

Мы стояли перед входом в метро. Собственная социальная сеть. Субкультура. Ещё такие же люди. Сколько их? Ка-

кие они?

Я чувствовала себя, как путешественник, открывший целый континент!

Мой новый знакомый пожал мне руку и исчез в метро. А я поехала домой – переваривать всё случившееся.

И вот теперь я сижу дома, пью мой любимый чай Мате; в браузере открыт мой любимый, несмотря ни на что, ЖЖ, и я пишу о своих впечатлениях вам, дорогие френды.

А на соседней вкладке открыта эта самая соцсеть-портал. И я чувствую, что сегодня очень-очень не скоро лягу спать))

21.31

БРАТ 2022

БРАТ 2022

«Поколению Z», рождённым в конце 90-х – начале 00-х, посвящается…

I часть

Беспорядочная масса людей медленно текла серой густой рекой по каменным коридорам метро. Невыспавшиеся граждане с замкнутыми, безразличными лицами неуклюже двигались скованными шажками, словно под водой, плотным конвойным строем. Все тесно прижаты друг к другу, но каждый в своей отдельной скорлупке. Как колония ракушек. Прохожие спешили по своим делам, затыкали уши наушниками, затыкали глаза телефонами, затыкали души иллюзиями.

На это всё и рассчитано. Для того и заманивают людей в огромные города-человейники. Чтобы гигантской массой своей мы подавляли и перетирали друг друга, становясь атомизированной равнодушной толпой. Чтобы великую силу людей, не осознаваемую и не управляемую ими самими, использовать в каких-то других интересах. Так поток воды направляют на турбины электростанции, чтобы вырабатывать энергию… А ведь люди – сильнее любой воды.

Он неторопливо двигался в толпе, почти не выделяясь.

Тренировка эмпатии в метро – самая трудная в цикле обучения. Впечатления идут просто валом – нужно усиленно удерживать или переключать внимание…

Эмпатия – это умение понимать эмоции и состояние другого человека. Сложность её в том, что в основном это работа подсознания. Сознание улавливает лишь отдельные штрихи. Подсознание гораздо мощнее и быстрее: оно почти мгновенно считывает всё, что только доступно восприятию. И эту информацию можно прочувствовать и понять, если удерживать точную настройку психики – находиться в нужном состоянии.

Эмпатия – это в первую очередь про глубокое понимание себя, и лишь потом – Другого.

Дальше – дело техники. Внешность выражает внутреннее. Люди буквально рисуют на себе содержание собственной психики, особенно когда двигаются – только успевай ухватывать. Чтобы успевать – надо тренироваться. Сейчас – как раз тренировка[1].

---

[1] Приведённая в рассказе тренировка эмпатии (нужно отгадывать эмоции не логикой, а по своему внутреннему отклику): 1) Вдвоём: собеседник вызывает эмоции и подсказывает. 2) Вдвоём: собеседник вызывает эмоции, не подсказывает. 3) Вдвоём: с помехами по времени и видимости / слышимости, собеседник может скрывать эмоции. 4) В группе: нужно переключаться, время ограничено, ракурсы восприятия разные. 5) Тренировка в реальной жизни: общественный транспорт, улица. Для уменьшения искажений и «внутренних шумов» в бессознательном рекомендуется пройти психотерапию по двум-трём основным жизненным затруднениям.

Он вошёл в вагон метро и встал у дверей. Настройка… Подсознание откликнулось равновесием и любопытством. Удерживая нужное состояние, он осторожно начал считывать пассажиров.

Вот сидит юноша, в его наушниках ревёт агрессивная музыка. Лицо молодого человека полно мрачной ярости: раздутые ноздри, стиснутые челюсти, взгляд исподлобья впился в пустоту… нет, для него не в пустоту. Внутри себя он с кем-то сражается… и всё никак не может победить…

Рядом странновато одетая девушка с тревожным взглядом. Вот она шарахнулась от вошедшего в поезд большого, неопрятного, пахнущего перегаром мужчины. Затем неловко и поспешно ушла в другую часть вагона… Страх, растерянность, желание скрыть и скрыться… В её субъективной реальности город населён большими опасными мужчинами, которые за ней охотятся. Видимо, они ходят за ней с самого детства, разбредясь по её миру из её маленького дома…

А неряшливый грузный дядька даже не заметил бегства испуганной девушки. У него остановившийся взгляд, такой характерный… похоже, потеря. Что-то, а скорее – кто-то, ушёл из его жизни, и теперь вагон метро для него лишь очередной участок серого, беспросветного ада, которым он субъективно видит свою жизнь. Сколько дней бедолага уже болтается в коварной алкогольной ловушке?

Но вот сидит девушка в смешных пушистых наушниках. Её глаза как ясное синее небо, проглянувшее через хмурые

питерские тучи, лучатся жизнью и озорством. Добрая, чуточку наивная улыбка почти физически греет. На ней большой пёстрый шарф и заботливо сделанные своими руками украшения. Она так старается красиво выглядеть для этих людей – и её детская, но такая настоящая вера в прекрасное незримо влияет на окружающих, добавляя в их миры немного зелёной, цветущей весны. Иногда это может спасти жизнь…

Станция. Надо выходить. С некоторым сожалением он вышел из вагона.

Кто вообще придумал эту глупость про «серую массу»? Да если присмотреться – в каждом человеке открывается целый мир!

Если присмотреться…

И вот уже на эскалаторе он, привычно сосредоточившись, взглянул ещё на одну проезжавшую мимо девушку.

И вдруг увидел в её глазах тяжёлую, оглушающую пустоту!

Подсознание сразу отозвалось тяжёлым тревожным гулом. Он присмотрелся, разум смутно ухватил какое-то странное несоответствие в её внешности.

Эскалатор равнодушно вёз его мимо.

Что же не так?

Вот её одежда, причёска – всё в эдаком броском молодёжном стиле. Модница. Наверняка часами вертелась перед зеркалом, создавала образ…

И только уже проехав мимо, он наконец осознал: незавершённость. Вот что! Всё как-то сдвинуто и недоделано. Она как будто начала было прихорашиваться… но почему-то прервалась на середине и вышла на улицу прямо так.

Девушка, которая не замечает, как выглядит? С ней то-то случилось. Она не в себе.

А эскалатор так же неумолимо двигался дальше, и вот уже странная девушка затерялась где-то внизу.

Он напряжённо переваривал впечатления. И понял, что если то, что он почувствовал – правда, то времени мало: девушка с пустым взглядом может кинуться под поезд прямо там внизу. «А вдруг всё это тревожность, невротические фантазии? И я сейчас как дурак…» – метнулась в сознании мысль. Но он знал: неврозы давно проработаны, страхи разобраны: это базовая гармонизация личности в группах самообразования и взаимной психотерапии, которую он прошёл вот уже несколько лет назад.

А подсознание между тем продолжало реагировать: нарастало знакомое ощущение экстремальной ситуации, когда всё решают минуты и даже секунды.

Выбор?

Он посмотрел наверх: эскалатор еле тащится. Далеко. Долго. Может, взять и перепрыгнуть на соседний эскалатор, едущий вниз? Как назло, там стояла плотная толпа.

Выбор?

II часть

Последней каплей были тараканы. Всегда их ненавидела… и боялась, как какой-то заразы.

Мне и так не хотелось просыпаться в этот равнодушный холодный мир: убогая съёмная квартира поджидала грудами неубранных вещей. В душе лежали груды разбитых мечтаний.

Любовь… Любовь?

Всё начиналось красиво, как во сне. Романтические отношения… Парень со старшего курса, он давно мне нравился – и вот наконец обратил на меня внимание… Симпатичный, воспитанный, обходительный, с великолепным ироничным юмором. Настоящий джентльмен, которого я так долго ждала, отвергая неуклюжие ухаживания провинциалов-одногруппников.

Он приглашал меня не в столовку и кино, а в театры и рестораны. И ехали туда мы не на маршрутке, а на такси. Он умел с такой статусной уверенностью разговаривать с официантами, что каждый раз выглядел хозяином заведения! Никуда не торопился, не распускал руки, хотя всегда говорил комплименты. Из состоятельной семьи, родственники зовут за границу…

Я настолько увлеклась им, что позабыла про всё на свете: копились долги по учёбе, обижались подруги, на подработке

пропускала смены в магазине под разными предлогами…

Почти месяц всё было просто как в сказке.

Потом появилась она. Соперница.

Рыжая яркая стерва просто вешалась на него! А он… регаировал непонятно: продолжал меня приглашать и был так же приятен, но и её не отшивал! И вот тогда его ненастойчивость и обходительность стала меня тревожить: он слишком непривязан ко мне! А она такая активная. Переходит уже все приличия, а он не даёт отпор…

Я впала в тревогу, стала плохо спать, совсем забила на учёбу, на дела. Из магазина уволили, недодав зарплату. Но мне было не до этого вообще. В голове настойчиво болталась идея, что надо преодолеть свою гордость и… ну… углубить отношения. Занять его по-серьёзному.

Но тут он меня опередил: пригласил на великолепную турбазу и прямо сказал, что в местном отеле снял номер на двоих, но с одной кроватью.

И вот этот вечер. Номер в отеле… Он вот-вот должен войти…

И вдруг распахивается другая, боковая дверь – и вваливается визжащее и хохочущее стадо из двенадцати рыл!

Там были и мои одногруппники, и эта рыжая тварь, и какие-то вообще незнакомые. У всех в руках телефоны, все снимают.

Раздались весёлые вопли, что это всё пранк и они меня развели…

Только вот пранк немного вышел из-под контроля.

Потому что я была уже без одежды.

И это всё записывалось на двенадцать телефонов…

Просто подло, чудовищно! Я с содроганием представляла свои видео в «сливах шкур», которыми надоедают боты в открытых комментах. Если это увидит мама… я даже не знаю… Начинает прямо колотить крупной дрожью.

Я никогда не думала, что со мной такое может случиться… Мерзкий обман, который затеяла кучка парней из моей группы, чтобы «наказать» заносчивую, по их мнению, столичную девочку.

Они скидывались на такси и рестораны, они вели скрытую запись и выкладывали в закрытом канале. Канал рос, хотя за доступ не гнушались уже и брать деньги. Придумали лживый сценарный ход с рыжей «соперницей». На момент «отеля» в канале было уже 911 подписчиков.

Без сомнения, они там наперебой выложили и последние видео…

Как мне теперь показаться в универе?

Словно в ответ, загудел телефон: 8 сообщений от старосты. И 2 пропущенных. Я увидела слово «отчисление» и похолодела. И закрыла мессенджер, побоялась даже прочитать. Трусиха…

А за учёбу ведь деньги уплачены, и немалые. Мама желает иметь дочь-отличницу. Если мама узнает про отчисление… Если мама увидит те видео…

Чтобы отвлечься от реальности, я вчера на остатки денег заказала пиццу с колой. И до поздней ночи, завернувшись в плед, ела вкусняшки, смотрела сериал про чужую жизнь и старалась не думать о своей. Наверное, глупое решение.

Так и заснула прямо на диване: в одежде и не почистив зубы.

А теперь вот надо просыпаться.

Чтобы снова оказаться во всём этом дерьме.

Я долго лежала и залипала в новости: «умная» лента настойчиво выдавала какие-то дикие сюжеты про самоубийства и смерти. «Девушка упала на рельсы в метро, прохожие даже не обратили внимания», «Мужчина выпрыгнул с 30-го этажа в Москва-Сити», «Женщина наглоталась…» Фу. Какое-то нездоровое напряжение внутри от этих новостей…

Мысли ворочались медленно. К горлу подступал ком, к глазам – слёзы.

Надо перестать смотреть новости. Я с усилием отложила телефон и угрюмо уставилась в потолок. Ну почему я такая тупая? Эх, если бы меня кто-то заранее предупредил…

Вот всегда мечтала о старшем брате. Большом, сильном, умном. Который всё знает и не даст в обиду. Помню, в детстве я даже играла, как будто у меня есть старший брат… Глупые фантазии.

Как же не хочется вставать…

Внутри плескалась противная слабость. Отчаяние уже не просто подкатывало комом к горлу – оно стояло там

непрерывно. Но жаловаться было некому: подруга уехала домой, а по телефону я про такое не могу.

Съесть бы что-нибудь вкусненькое. Кажется, там пицца оставалась со вчера…

Я подтянула к себе коробку, открыла и засунула туда руку… И неожиданно почувствовала, как по моей руке с противным щекотанием что-то пробежало.

Инстинктивно встряхнув рукой, я резко села и присмотрелась.

Тараканы! Пицца просто кишела шевелящимися мерзкими насекомыми… Они бегали по моему ноуту и… кажется, заползали прямо внутрь него! Ползали по стенам. По спинке дивана, на котором я лежала. Они были везде! Казалось, вся квартира превратилась в отвратительное кишащее гнездо…

Где-то тогда меня и перехлестнуло.

Я хотела закричать, но получился только какой-то жалкий стон. Внутри как будто что-то разбилось, и я стала теряться среди этих осколков.

Я даже не помню, как очутилась на улице, не помню, запирала ли дверь.

Мегаполис равнодушно принял меня в свои объятия. Автобусы ехали по своим маршрутам, люди шли по своим делам. Моросил противный мелкий дождик. Я шла и думала, что если я упаду и умру прямо здесь, то большинство прохожих даже внимания не обратят.

В детстве я однажды видела мужчину, лежавшего так око-

ло входа в метро. Он был в пальто, но почему-то босой, и я на всю жизнь запомнила эти грязные ступни со скрюченными пальцами. Врезалось в память то деловитое равнодушие, с которым люди обходили лежащего. Как бревно.

А я, пятилетний ребёнок, всё думала: а что это с дядей? Может, надо помочь?

Но я не решалась сказать маме. А мама, с таким холодным лицом, тянула меня за руку дальше. И упавший человек остался лежать позади…

Я шла и парила вейпом, пока не затошнило. Фу… стало только хуже. Куда мне идти? В квартиру возвращаться было невыносимо. В универ – ни за что. Маме я даже позвонить боялась.

Ноги автоматически несли по знакомому маршруту на работу. Это бессмысленно: с работы же уволили. Эта мысль смутно ворочалась в голове, а ноги продолжали идти. В метро, по крайней мере, тепло. И можно с умным видом куда-то ехать…

Помню, как я долго-долго спускалась вниз на эскалаторе, и мне хотелось, чтобы кто-то из встречных просто на меня посмотрел. Просто что я есть… Но все смотрели в телефоны. Один за другим. Люди как будто при первой же возможности сбегали туда от какой-то невыносимой скуки собственной жизни… И я для них часть этой скуки…

Но вот, почти в самом низу эскалатора, один парень всё-таки посмотрел на меня – прямо в глаза, внимательно так.

И я почувствовала, что он не просто смотрит, а действительно думает обо мне. Это было необычно. Я даже на какое-то время вышла из оцепенения.

Но дальше он проехал наверх, а я – вниз.

Потом я стояла на краю платформы и смотрела на рельсы. Вспоминала новость, где девушка упала под поезд метро. В голове глухо болталась мысль: «А что если и я сейчас упаду?»

В далёкой глубине туннеля показались похожие на горящие глаза фары поезда…

Сколько людей сводят счёты с жизнью, бросаясь под поезд метро? Наверняка сегодня уже где-то кто-то бросился… Как их потом достают? Что с ними происходит? Фары поезда приближались. Я чувствовала себя странно.

Вот бывает, что думаешь о чём-то своём, а прохожие случайными фразами как будто отвечают на твои вопросы, на твои мысли… И я тоже слышала эти фразы:

– … остановись…

– …сейчас не в себе…

– …так нельзя ничего решать…

Фары поезда приближались всё быстрее. Из тоннеля подул ветер.

И только когда чья-то рука крепко взяла меня за плечо, я поняла, что обращаются именно ко мне. Оглянувшись, я увидела того самого парня, который посмотрел мне в глаза на эскалаторе. Он и сейчас смотрел так же серьёзно и глубо-

ко.

А ещё он, совершенно игнорируя все нормы приличия между незнакомыми людьми, держал меня за куртку. Я смешалась: надо бы наверное ругаться, закричать, чтобы он меня отпустил, но ничего не хотелось. И я не вырывалась. А он продолжал негромко, но настойчиво говорить:

– Тебе сейчас нужно прийти в себя. Согреться, выпить чаю горячего, съесть что-нибудь.

Я молчала и думала о том, что у меня сейчас тупо нету денег. Мысли ворочались вяло.

Парень, словно прочитав мои мысли, так же серьёзно продолжил:

– Я приглашаю тебя в кафе. Угощаю. Идём?

Я совсем запуталась. Ну… почему бы нет? Растерянно кивнув, я пошла с ним.

Чувствуя себя как щепка, неожиданно попавшая в другой поток…

Поезд с грохотом вырвался из тоннеля где-то сзади.

III часть

На эскалаторе я обернулась и ещё раз оглядела его с ног до головы. На вид лет на десять старше меня. Одежда самая обычная и немного старомодная: короткое пальто, свитер из грубой шерсти, джинсы, берцы. Симпатичные крупные черты лица.

Да, это его я видела на эскалаторе. Но он ехал наверх. Как он оказался внизу? Почему ведёт меня в кафе? Я ему понравилась? Или он просто неравнодушный и увидел, что со мной что-то не так?

Я наконец хоть немного пришла в себя, и нетвёрдым голосом спросила:

– А вы… чего хотите?

– Помочь, – сказал он просто и без всякого пафоса.

– Я вас не знаю.

– Это так, – рассудительно ответил он, – Можно мы будем на «ты»?

– Ну… можно. А почему вы… ты… хочешь мне помочь?

– Потому что тебе плохо.

– Но… ты меня не знаешь.

– Ты человек. Этого достаточно.

– Ну и что? Это большой город, тут всем плевать.

– Мне не плевать.

– Ты… всем так помогаешь?

– Тем, кому могу помочь, – с той же серьёзностью ответил парень.

В его поведении была какая-то такая… уверенность, твёрдость. Как, знаете, бывает у врача на приёме.

На выходе из метро мой неожиданный знакомый легонько тронул меня за плечо и показал на ближайшее кафе.

Там было сухо, тепло и довольно уютно. Пирожки пахли по-домашнему. Удобные мягкие диванчики. Горячий чай приятно согревал, и некоторое время я просто сидела и откисала.

Потом любопытство возобладало, и я спросила:

– Почему вы… ты решил мне помочь?

– Увидел, что ты в беде.

– А как ты… это увидел?

– То, что происходит с человеком, всегда отражается на его внешности. Не всегда ярко, но можно почувствовать. Слышала такое слово – «эмпатия»?..

Постепенно мы разговорились, и меня, конечно, прорвало жаловаться на свои проблемы. Я, ну честно, пыталась выглядеть строго и солидно, но долго просто не смогла. И, сама не знаю как, вывалила на него всё: про чудовищный «любовный пранк», про отчисление, и увольнение без зарплаты, и как тараканы выгнали меня из дома… Хлынули слёзы.

Он сидел рядом и спокойно, внимательно слушал. А я, вытирая салфетками глаза, сбивчиво выливала всё, что было на душе. Постепенно становилось легче. Я даже побеспоко-

илась за него и попросила прощения за то, что плачусь тут в жилетку.

– Всё хорошо, – спокойно отозвался он. – Тебе надо выговориться.

– Всё равно спасибо. Я понимаю, что у каждого своих проблем куча…

– Знаешь… у вашего поколения – больше… – с неожиданным сочувствием ответил он. – У нас ещё были какие-то понятия, дворовые правила. А сейчас не культура, а мешанина иллюзий и манипуляций. Вы растёте на мультиках и живёте в фильмах… Не видите ни великой цели, ни великой беды. Без больших ориентиров постоянно барахтаетесь в личном…

Он задумчиво помолчал. Затем задумчиво спросил, как бы размышляя:

– Что вам дала взрослая жизнь, поколение Зет? Я вот думаю, что много разочарований: самостоятельность, такая желанная в детстве, – оказывается трудной и… скучной; работа – надоедает; перспектив мало; проблемы нескончаемые. Даже… личные отношения, скажем так… На экране круто и ярко, а в жизни это трудно, больно и всё так быстро гаснет. Так ведь?

Я задумалась. «На экране круто, а в реальности трешово» – это прям как девиз моей жизни.

– Знаешь, – продолжал он, – я никогда ещё не видел таких одарённых и незашоренных людей, как вы. И настолько боя-

щихся своей одарённости и свободы. Вы так спешите свести всё на шуточки, на эти… рофлы. Вы так боитесь серьёзного, настоящего контакта с миром.

Пожалуй, слишком успешно его избегаете. И становитесь самым одиноким поколением… – он задумчиво помолчал, снова о чём-то размышляя. Затем продолжил:

– Многие вот думают, что одиночество – это что-то такое внутри, пустое и холодное. Но на самом деле одиночество не внутри, а снаружи: оно находится прямо на поверхности личности. Это нарушенные связи с миром, со Вселенной. Именно потому, что нарушены связи, внутри становится пусто и скучно. И маленькие личные проблемы кажутся огромными, невыносимыми…

Я задумалась. Перебрала в уме свои беды: они и вправду все были личными.

– А какие есть ещё проблемы? Не личные?

– Начиная с проблем других людей. Вот для меня – твои проблемы, например. А если научиться видеть проблемы других людей, то через некоторое время замечаешь, что проблемы-то похожи! И можно увидеть закономерности этих проблем, узнать их причины. Так начинается настоящая, живая социология.

Вот, например, учёба твоя. Говоришь: не хочется учиться. Как думаешь, у кого ещё такие проблемы?

– Ооо, да у половины моей группы! – я вспомнила наши страдания на каждой сессии.

– А что это значит?

– Эмм… А что это может значить?

– А что, если вас просто учат неправильно?

– Неправильно? – Блин, я как-то никогда об этом и не думала. – А как правильно?

– Ну, например, когда знания потом реально пригождаются. А ещё – когда учиться интересно.

– Хм… А такое вообще бывает? Что интересно учиться?

– Бывает. Это вообще-то как раз нормально: учиться с интересом. Наоборот, если учиться неинтересно – значит, что-то не так.

Проблема может быть, конечно, и в личности. Но ведь ты сама сказала, что у вас такое у половины группы. А это значит, что как ни крути – явление социальное. Видишь: и оказывается, проблема с учёбой не твоя, а общая. А общие проблемы решаются не так, как личные, – это другой масштаб.

А если человек сидит в себе и не видит общих проблем, то он всё пытается решить как свои личные проблемы. И если проблема на самом деле общая, большая – то она кажется ему нерешаемой и, конечно, подавляет его. И – привет, депрессия.

Я задумалась: логика есть. Но она выводит на какие-то непривычные просторы…

– А если это я просто ленивая? – озвучила я мысль, которая казалась мне самоочевидной.

– А что такое «ленивая»?

– Нуу…. Не хочу ничего делать.

– Вообще ничего? И дышать?

– Ну нет, дышать хочу.

– Значит, не хочешь не «ничего», а конкретных вещей. И есть конкретные причины у каждого такого нехотения.

– Неужели не бывает тупо лень?

– Не бывает, – уверенно ответил он. – Бывает, что человек просто не понимает причину своего сопротивления.

Это прозвучало как какое-то откровение. Я задумалась.

IV часть

– А как вот ты… понимаешь эти причины? Когда чего-то хочется или не хочется?

– Ну-у… в первую очередь, научиться слушать и понимать своё подсознание. Это большая и сильная, но неразумная часть твоей психики. Многие вот сейчас с ней воюют: без конца пытаются «заставить себя» или «не позволять себе». Мучаются, срываются, злятся на себя, впадают в уныние, а потом опять пытаются себя заставить, проходя очередной круг маленького личного ада. Таково тяжёлое состояние внутренней разобщённости человека, который не дружит с собой.

– Хм. А что, можно… вот так… дружить с собой? И типа когда хочется то, что нужно?

– Конечно. Если научиться понимать своё подсознание, очистить его от невротических искажений и травматических сценариев, то ты внутри себя обретёшь настоящего друга – надёжного, душевного и по-своему очень сильного. Ведь бессознательная психика способна почти мгновенно воспринимать и обрабатывать огромные объёмы информации! Интуиция, эмпатия, понимание своих настоящих желаний, талант и творческое вдохновение – это всё связано с ним, с подсознанием.

И есть особенно важная для человека способность подсо-

знания: когда оно не забито комплексами и не перекорёжено неврозами, когда оно гармоничное – оно может настолько глубоко всё воспринимать, что чувствует закономерности самого Мироздания, включая все открытые и даже не открытые наукой. С древних времён это у нас называлось «Правда».

Того, кто поступает по правде, поддерживает вся Вселенная, и рано или поздно он победит. Поэтому и говорят, что сила – в Правде.

Именно подсознание транслирует нам в сознание такие… сообщения, как лучше всего поступить в разных серьёзных ситуациях. По-древнерусски «сообщение» – это «весть», и с давних времён советуют поступать «со вестью».

С совестью, если по-современному.

Ого… Да у него тут целая философия. Надо будет над этим подумать.

Мой неожиданный собеседник помолчал, снова давая мне время.

Затем добавил:

– Есть удивительная особенность: даже если совершенно разные люди поступают по совести, то их решения настолько хорошо совпадают, как будто они действуют по единому плану. Хотя они могут даже не знать о существовании друг друга! Это говорит о том, что наш мир – это вовсе не кучка слепых случайностей, как нам втирает западная философия. Наоборот, наш мир взаимосвязан, наполнен смыслом и раз-

вивается в определённом направлении, в котором есть своя доля у каждого человека.

У нас вообще есть множество подсказок к правильной жизни: сами события и обстоятельства, происходящие в твоей жизни, имеют причины и несут некоторый смысл – а значит, их можно рассматривать как сигналы, сообщения. Своего рода язык, на котором с каждым постоянно разговаривает Вселенная. И когда начинаешь понимать этот язык, отличать его от иллюзий и наваждений, начинаешь понимать, что мир вокруг – прекрасный, интересный и… твой.

И тогда не остаётся никакого одиночества.

Это бывает очень трудно понять сознанием, но просто потому, что само сознание у нас – маленькое. Но можно понять подсознанием… Прочувствовать. Узнать.

– Узнать?

– Да. Узнать…

Он сел прямо, глубоко вздохнул и стал сосредоточиваться. Не знаю, что он делал, но мне показалось что суета вокруг стала замедляться. Воздух как будто стал плотнее. Даже соседи притихли.

И тогда он заговорил – размеренно, спокойно, даже немного наивно:

– Я узнал, что у меня…

Есть огромная семья!

Он выразительно и как-то очень непосредственно выговаривал смутно знакомые слова…

– И тропинка, и лесок,

В поле – каждый колосок!..

И вдруг всё это ясно возникло в моём воображении: поле со спелыми золотистыми колосками пшеницы – их можно собирать и жевать семена. А рядом сосновый лес, и мягкое закатное солнце так ласково светит…

А он продолжал:

– Речка, небо голубое,

Это всё – моё, родное!

«Так это же тот стишок… из фильма „Брат“», – подумала я. А моё воображение тем временем продолжало ярко рисовать это голубое небо и речку. Все эти образы складывались в одну картину, которая становилась настолько убедительной, что начинала казаться моими собственными воспоминаниями.

– Это – Родина моя!

Всех люблю на свете я, – закончил он и замолчал.

И я поняла, что человек, который так чувствует – просто не может быть одиноким.

А эта картина с пшеничным полем и сосновым лесом продолжала разворачиваться и раскрываться в моём воображении, наполняться подробностями, становиться всё более… настоящей? Вот тропинка, усыпанная бурыми сосновыми иголками, ласковое солнце, даже надоедливые комары… За лесом как раз течёт та речка, это мы к ней шли через этот лес и поле…

Мы? Какие мы?

– Это же… тот стишок… из «Брата»? – спросила я почему-то охрипшим голосом.

– Это для вас это «стишок из Брата», – ответил он с некоторой иронией. – На самом деле он старше. И это не просто стишок. Это – информационный инструмент, своего рода орудие. Или оружие.

В фильме Данила читал его, чтобы собраться и опереться на реальность перед боем с бандитами… Поэтому и стрелял так метко.

– А-а… типа… заклинание? – я отчётливо понимала, что стих действительно на меня подействовал. Вся эта картина с полем, речкой и сосновым лесом стояла в моём воображении совершенно живой: я даже как будто почувствовала запах хвои, смолы! И почувствовала, как внутри нарастает странное волнение.

– Да, раньше так и называлось – заклинание, заговор…

Он задумчиво улыбнулся, и вдруг я каким-то образом поняла, что он тоже вспоминает этот сосновый лес… Тоже?

И тут меня прямо-таки пробрала странная, невероятная, но очень настойчивая мысль.

Что он действительно помнит тот лес.

Потому что тоже там был. Вместе со мной был. Мы там вместе были…

По всему телу прошла ощутимая волна дрожи.

Что это? Воспоминания? Или фантазия? Но мы же позна-

комились всего час назад! Откуда это странное ощущение, что я знаю его уже много лет? Что мы знакомы с ним давно, с самого детства…

Что рядом со мной сидит… мой старший брат…

Почему мне так трудно дышать?..

У меня ведь действительно мог быть старший брат. Если бы мама тогда не сделала аборт. Не от нужды сделала. Просто «по молодости»: решила, что ещё не нагулялась… Так сказала бабушка. Мама никогда об этом не рассказывала.

Если бы у меня был старший брат, не пришлось бы столько терпеть от этих козлов во дворе. А ещё мы бы поехали на рыбалку. Вот на эту самую речку за сосновым лесом и золотым полем, которую я увидела в этом стишке…

И мне, конечно, надоело бы сидеть и смотреть на поплавок, я бы бегала вокруг, а он ворчал бы, что я топаю и распугиваю рыбу. А потом он достал бы завёрнутые в газету помятые бутерброды из чёрного хлеба с маслом и сыром. И во всём мире ничего не было вкуснее этих бутербродов и горячего, терпкого чая из старого советского термоса…

– Да, бывают настоящие заклинания. Вот так они и работают, – брат между тем говорил спокойно, буднично, как будто речь шла не о заклинаниях, а об устройстве мобильной связи. Он, впрочем, всегда всё вот так рассказывал…

Всегда?

Что, что со мной происходит?

Наверное, я вытаращилась на него как-то странно: он добродушно усмехнулся и отхлебнул чай.

А я опять вспомнила стишок… и опять увидела, как мы были на рыбалке. И вот я в конце концов добесилась и сверзилась с берега в воду, а он бросил свои удочки и доставал меня из воды, а потом развёл костёр, чтобы согреться и подсушиться… Отдал мне свою большую сухую куртку.

А потом он вёз меня домой на раме велосипеда и смешно кряхтел в ухо, хотя, конечно, утверждал, что ему совсем не тяжело. А потом мы пришли домой, а там отец опять пьяный; но при брате он побаивался ко мне придираться…

Почему я это вижу? Как это работает?

– Как это работает? – оказывается, я от удивления сказала это вслух.

– Нужно прочитать правильные слова, в нужном настроении. С душой, – ответил он. – Тогда может сработать. Если открыта возможность…

А я уже просто не могла поверить, что мы познакомились всего час назад.

Передо мной сидел мой старший брат. Брат, которого у меня никогда не было! Но всё же – вот он, настоящий, живой! Мы… просто давно не виделись. Он просто стал отдельно жить, ещё как из армии вернулся. У него семья, работа – городская вся эта круговерть затягивает… Но вот мы неожиданно встретились и поняли, что надо срочно отложить все дела и пойти в ближайшую кафешку, выпить чаю и погово-

рить, ведь мы столько не виделись…

Боже мой, что это, что происходит?! Я поняла, что сижу вся взмокшая, тяжело дышу. Слёзы текли по щекам безостановочно, с ними вымывалось напряжение последнего месяца, и что-то разбитое внутри меня стало соединяться обратно.

Брат молчал, наблюдая за мной. Взгляд его был участливым и понимающим. Он был спокоен и даже выглядел немного покровительственно, как и положено старшему брату при встрече.

– Энергетики эти… Пьёшь? – вдруг спросил он с ворчливой интонацией самого обычного старшего брата.

– Да… – призналась я.

– Забрасывай. Это такая же наркота. И вейпы эти ваши дурацкие. Сделано специально, чтобы нас отравить. Чтобы мы подсаживались, замыкались на химию, теряли связь с реальностью и становились одинокими, слабыми…

Не допускай никакую дрянь в себя – и через некоторое время ты очистишься, и в голове прояснится. И тогда ты почувствуешь. Узнаешь… – в голове сразу отдалось эхом «Я узнал, что у меня… есть огромная семья» – и опять встали картины соснового леса, и поля, и речки… Скрип велосипеда, запах хвои и мха…

– Да я пыталась бросить вейп… Но как занервничаю, то срываюсь…

Брат с пониманием кивнул:

– Тут нужно понимать процесс: посмотри такой «блог Трумана». Это друган мой, он там разбирает и сигареты, и вейпы, всё. А ты из города давно выбиралась, на природу?

А я действительно очень давно не была на природе:

– Два года, кажется. Закрутилась с учёбой, работой.

– Надо выбираться, – уверенно сказал он, – тут же глушит просто страшно: город – искусственная реальность, матрица. А на природе каждый листик – воплощение гармонии, отточенное миллионами лет естественной жизни. Там куда ни глянь – всё помогает правильно настроиться. Если, конечно, хочешь настроиться…

Вот так мы и сидели и просто разговаривали, как настоящие брат и сестра. Даже странно было думать, что мы знакомы всего-то часа полтора. Но я всё больше чувствовала, что надо прояснить. Я просто не могу так всё оставить.

– Слушай… Я должна сказать… Это, наверное, покажется тебе странным… Мне кажется что ты… – тут в горле встал тугой ком, и слёзы опять потекли по щекам.

Не могу сказать! Но я должна ему сказать! А как он это воспримет?

Как же страшно…

Я долго собиралась с силами, боролась со страхом, и в конце концов, низко опустив глаза, выдавила из себя еле слышно: – Мне показалось, что ты… мой… брат…

Боже мой, я сказала это вслух! Живот пронзило холодом, сердце ухнуло в пятки.

Я с напряжением ждала ответа.

– Это… так и есть.

Я застыла, боясь поверить, что он действительно так сказал.

– Это так и есть, – повторил он просто. – Человек человеку брат. Ну, или сестра.

Если действительно сделать такой выбор. Это ведь и есть настоящая жизнь человека – творить, создавать новую реальность. Тут ещё и не такие чудеса бывают.

А ты вообще крутая: ты ведь смогла сходу пробиться навстречу, сестрёнка! – он ободряюще улыбнулся, широко и спокойно.

«Сестрёнка!» Где-то в груди зажглось маленькое тёплое солнышко. «Сестрёнка»… Боже мой. Это что, правда реально всё?

– Ты… правда… можешь вот так? Не жалко…

– Не говори глупости, – сердито отозвался брат. – Человек – это самое прекрасное и самое важное в жизни. В потенциале, конечно. А уж как этот потенциал реализуется, от нас зависит. Я ведь видел, какие пустые у тебя были глаза. Видел как ты смотрела на рельсы.

Мне стало очень стыдно.

– Прости, братик… – сказав это слово, я на миг почувствовала, как внутри опять настороженно похолодело – но вот он спокойно принял моё обращение, и что-то в моей жизни состоялось.

У меня есть брат. И он ругает меня за мысли о суициде. Это же нормально. И правильно ругает: что я за дура…

– Прости, – тихо повторила я. – Со мной такое было… всё так навалилось…

– Если есть проблемы, то их надо решать, – наставительно сказал старший брат. – Чтобы решать – надо вникать. В каждую по очереди и всей душой. А не инфантильно искать волшебную кнопку, которая поможет сразу от всего. Ведь самоубийство – это самое тупое на свете выражение самой тупой на свете идеи найти волшебную кнопку сразу от всего!

Брат говорил негромко, спокойно, но от его слов веяло большой внутренней силой. И я чувствовала, что и по другим жизненным вопросам у него выработано такое же основательное мнение.

А он смотрел внимательно мне в глаза, и я снова вспоминала этот простенький детский стишок и видела нагретый закатным солнцем, пахнущий смолой и мхом лес.

И вдруг я увидела себя глазами брата: младшая сестрёнка, такая неловкая, не знающая, не умеющая… Такая непосредственная. Она так мило заморачивается своими детскими проблемами. И я… могу заботиться и защищать её, и чувствовать себя большим, ответственным и сильным. Это так здорово – быть старшим братом. Значимым, нужным.

И я поняла, какой чудовищный удар прямо в сердце я могла нанести всем близким мне людям, лишив их дочери, племянницы, внучки… и сестры. Лишить всех, кого я могу ко-

гда-либо встретить. Как глупо было бы перечеркнуть всё одним неловким истеричным действием. Как это чудовищно нечестно, эгоистично и… мелко!

– Не смей так больше, – просто сказал брат. – Запомни: самоубийство – это всегда в первую очередь убийство!

Нам сейчас постоянно это навязывают: целые программы всяких «синих китов» для детей и взрослых, с разными сценариями, но с одной целью! Через соцсети, через новости, через музыку…

Это и есть информационная война: в нас пытаются сломать самые базовые программы жизни и заставить убивать себя, друг друга, отказываться от продолжения рода, от собственной жизни!

Помни о контакте с миром и береги доверенную тебе Вселенной жизнь, делай её здоровой, яркой, прекрасной, радостной! У тебя для этого всё есть, весь мир – твой. Помощи в этом – проси смело, сестрёнка, – по-мужски кратко и твёрдо добавил он.

Мы ещё долго беседовали о жизни, планах, о настоящем деле и чем оно отличается от работы ради денег. О том, что составляет радость и горе человека. О способах заработка и о сложностях разговора с мамой. Разработали целое послание тем уродам, что устроили мне пранк.

Брат рассказывал, где он учился понимать своё подсознание, пользоваться психотехниками, о группах энтузиастов, годами ставящих рискованные психологические экспе-

рименты прямо на себе, в поисках пути к новому образу жизни человека и общества, который выведет из разобщённости и катастроф – к Светлому будущему!

И прямо на глазах вырисовывались новые перспективы, неведомые просторы – и вот огромный равнодушный мегаполис перестал давить на меня со всех сторон и стал тем, чем ему и полагается – точечным промышленным узелком на огромной Земле.

Когда мы прощались, я долго висела у него на шее и уже не могла поверить, что знаю своего брата всего три часа. А ещё я… да! Упросила его поехать со мной на рыбалку. И он согласился. А потом стал предупреждать, что я там не должна там топать и шуметь, а то распугаю рыбу. И что чай с него, а бутерброды – с меня… Это было какое-то волшебство!

Прямо из кафе я пошла в Авиационный, к которому у меня давно лежала душа, но мама настаивала на высшем экономическом. Оказалось, что там есть места в группе – с академической справкой меня возьмут сразу на третий курс. Я сразу написала заявление. Собравшись с силами, записала маме голосовое, что перехожу в другой ВУЗ. Еле удержалась, чтобы не добавить «брат поддерживает». Вот бы мама удивилась!

Потом – за мессенджер. И вот – достойное, подготовленное вместе с братом послание подглядывающим в замочную скважину за чужими отношениями – полетело участни-

кам пранка. Кто-нибудь из них точно выложит в тот канал, не утерпит.

Отправив сообщения, почувствовала, что даже из такой стрёмной ситуации я вышла достойно. Даже больше – победителем! Потому что я всё делала искренне и честно: парню своему – верила, как это вообще-то и должно быть в личных отношениях. Это он облажался и потерял свой вообще-то шанс, а «зрители» так любят подсматривать за чужой любовью, потому что у них нет своей! Ко мне их грязь не липнет.

На радостях устроила дома целую уборку. Гоняла несчастных тараканов, обмазала все вентиляции и двери найденным в кухонном ящике гелем от насекомых.

Завтра начну бросать вейп.

Впервые за долгое время я ложусь спать с радостью, с подзабытым с детства ощущением, что впереди целый мир. И кажется, я почувствовала. Настроилась. Узнала…

ВЫХОД ИЗ БАНКИ С ПАУКАМИ

Молодой жулик по кличке Рябчик чувствовал, как от раскрывающихся перспектив у него захватывает дух.

Даже страшно было.

Да что там страшно – было откровенно очково.

Новая схема сработала намного лучше, чем он ожидал.

Нет, он знал, что схема будет хороша: зря он, что ли, потратил два года, сводя свой опыт уличного разводилы с новейшими западными технологиями продаж? Шёл работать промоутером в самые стрёмные места, осваивал создание и настройку программ-ботов, наводил контакты в околокриминальных кругах айтишников…

Много было сделано – и вот готов виртуальный бот-разводила, который сам вступал в чаты определённой тематики, отслеживал поведение участников и находил перспективных простачков – лохов.

Затем бот сам искал и анализировал их посты в других чатах и выбирал скрипт разводки, после чего – это был предмет отдельной гордости Рябчика – подключал «девочек» из знакомой вебкам-студии; и вот уже не скучный бот, как у конкурирующих на ниве разводки «фирм», а – опа! – живая девица связывалась с лохом и обрабатывала его, да по заранее заученному «скрипту»!

О, это ценное приобретение нескольких недель его усерд-

ной работы в зарубежной промоутерской компании – готовые программы поведения для вскрытия и прогиба лоха! На которые исполнительницу можно заранее натаскать вплоть до каждого моргания.

Отличный образец бессовестной прагматичности Запада. То что нужно в криминале!

Благодаря своему усердию и чутью к людям Рябчик сумел заложить в бота-наводчика точные характеристики лохов. Он и к девицам-разводилам отнёсся внимательно, раздав им роли не абы как, а в соответствии с их реальными характерами, даже предварительно прогнав по стянутым из промоутерской компании тестам. По науке подошёл, по красоте!

И вот его усилия принесли неожиданный взрыв результативности: за первый месяц они сбили с лохов столько, что он не выдержал и прикупил себе «Бэху»! А также подключил к работе ещё две вебкам-студии, а потом неожиданно нашёл ещё одну, где работали моделями пацаны, виртуально «обслуживая» скучающих домохозяек, – и вот в голове его зрел новый удар по лоховским кошелькам: милые мальчики-разводилы со скриптами, нацеленными на развод домашних куриц!

Дело пёрло в гору! Но… одновременно нарастала странная тревога. Как будто успех делал его… слишком заметным. Рябчик уговаривал себя, что это просто с непривычки быть настолько богатым, что он же делится *с кем надо* и поделится ещё с кем будет нужно, что освоится, обвыкнется, что жи-

вут же как-то люди и побогаче него!

Но чем логичнее он себя уговаривал, тем больше садился на измену… Даже сны стали сниться, будто к нему присматриваются, будто его где-то обсуждают… Бррр!

Рябчик вообще привык доверять своей чуйке.

Но теперь эта чуйка становилась против всего, к чему он шёл: его фарта, его богатства!

Борьба жадности и тревоги чертовски изматывала, лишала кайфа от денег, от успеха. Поэтому Рябчик почувствовал даже некоторое облегчение, глядя на противную рожу заявившегося к нему Ржавого.

Погоняло было Ржавому точно в масть: огромные, беспорядочно разбросанные веснушки на потасканном морщинистом лице казались действительно потёками ржавчины; ржавчиной отдавала и рыжина жёстких волос разных оттенков – ну натурально ржавая проволока. Глаза Ржавого, почти бесцветные, дополняли неприятную картину его внешности.

Ржавый битый, деловой.

В городе он был вроде смотрящего среди разводил.

«Вроде» – это потому, что Ржавый чертовски хорошо умел устроиться: он и тут сумел встать так, что и ответа не держал, и влияние имел.

Он всем постоянно ныл, что он не при делах, устал и вообще уже старый и ушёл на покой. Однако к нему постоянно бегали раскинуть по делам – а он и подсказывал. И причём подсказывал толково.

И по итогу выходило, что он и во всех курсах по городу был, и *как бы* ни во что и не вписывался. «Как бы» – потому что половину мошенников города вырастил именно он.

Ржавый и сейчас чего-то мутил с малолетками: они иной раз горели, а его не закладывали, тоже *как бы* сами всё.

Как так получалось? Ржавый, опытнейший разводила, умел *подойти к людям*. Выцеплял мальков, болтающихся по улицам без родительского присмотра. Сходился, становился им своим, вроде такого уличного бати. Ну и вешал им, там, про гордость воровскую и байки фартовые. Всему и научит за байками. А на дело не ведёт. Даже когда просили. Ныл опять своё: что старый уже и всё такое. Но побалакать – всегда.

Они в оконцове шли сами на дело. Если гремели – он ни сном ни духом; если фартило – продолжал «консультировать» и сводить с барыгами, и в немалой доле был, а по факту сухой.

В общем, все у него *как бы* сами. Настоящий теневой делец – скользкий как мокрый обмылок.

Обычно это к нему все ходили, но тут он пришёл сам – это тоже было неожиданно.

– Ржавый! Живой ещё, что ли?

– Издевайся давай, – привычно нудно и жалобно отозвался Ржавый, – сам не вечно молодой будешь… Чё, пустишь в гадючник твой?

Рябчик пропустил Ржавого в свой «офис» в неприметной

квартире. Достал коньяк.

Посидели, прошлись по делам в городе, перетёрли местные сплетни. Затем Ржавый наконец начал подходить к сути:

– А ты бобёр, Рябчик: отгрохал хату-та. Мутишь большое чё-то, значит, а?

– С чего…

– Ой, ну меня-то не парь. Да ты ж светишь как люстра: тачила новая, шмотки…

– Ну, могу себе позволить кое-что, – с нагловатым пренебрежением богача бросил Рябчик. – Я в понятиях работаю.

– Я потому и пришёл… Предупредить, – тон голоса Ржавого изменился, показывая, что наступает момент, ради которого он здесь: вместо привычной унылой жалобности тембр его стал низким, неторопливым, *веским*.

– Вырос ты, конечно, молодец. Но всему есть берега, малой… Слушай меня внимательно: надо тебе не больше мульта в месяц иметь – это край. Для твоего же блага, понял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.